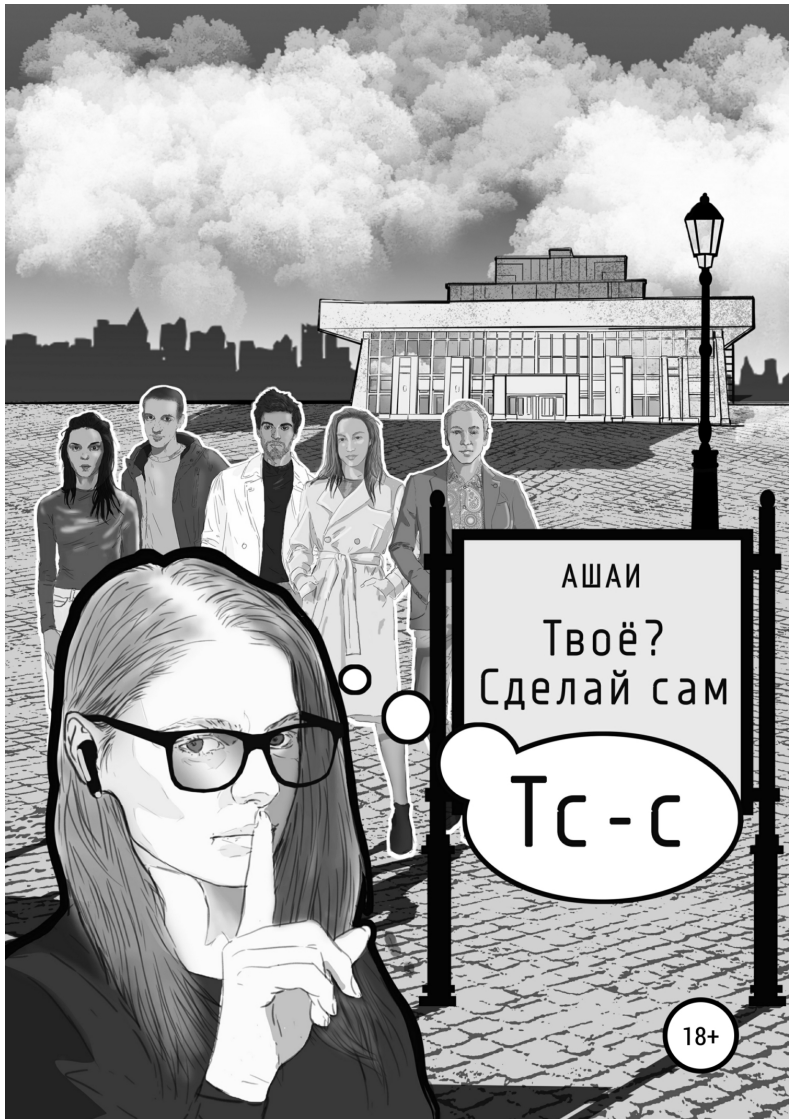

АШАИ

Твоё?
Сделай сам

Тс - с

18+

Ашаи

Твоё? Сделай сам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55747022

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта книга о писателе, его друзьях, о внешних и внутренних конфликтах, о любви и ненависти, о причинах и последствиях популярности, о вопросах и об ответах, о жизни, о том, как люди преодолевают обстоятельства и как сдаются на милость судьбе, о том, что у каждого своя правда, о том, что и в падении есть прекрасное, и в возвышенном есть отвратительное. И о том, что всё это может быть в одном человеке. И, конечно, об импульсивных поступках на фоне алкоголя.

Содержание

Антракт	11
Вопрос-ответ сессия	23
Дай и Рада	32
Немая	41
Глухой	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ашаи

Твоё? Сделай сам

Мотто:

Свет софитов,

Вспышки камер,

Восхищённые глаза.

Наш герой пиджак поправил -

Он не знает, что сказать.

“Здравствуйте, дорогие читатели!

Моя новая книга по сути обо мне.

Вы знаете, я люблю писать от первого лица, но вдруг решил попробоваться в другом жанре. И тем не менее, любовь не исчезает. Главные герои, взгляд со стороны, художественный вымысел – лишь малая часть произведения. Хватило бы от силы на несколько страниц. Да и не в количестве страниц смысл. Основа, матрица книги – события моей жизни. То, что я делал, то, что я заметил, до чего дошёл. Вы ведь не могли подумать, что я позволю себе рассказывать вам о том, чего сам до конца не прочувствовал. Этим я убиваю сразу две цели. Первая – потребность высказаться, вторая – быть объективным. Мне кажется, объективность приходит с опытом, когда побывал в разных ролях одного и того же эпизода. Например, человек, который любил и которого любили,

сможет объективно высказаться об этом чувстве. Вместе с тем, чтобы быть до конца честным, у книги много соавторов. Это все мои друзья, знакомые, родственники, все с кем я общался так или иначе отразились в произведении. Кто-то дословно, кто-то отдалённо, кто-то подсказал интересную мысль. Но самый главный соавтор – это Вы, дорогой мой читатель. Каждый из вас по-своему интерпретирует текст, каждый представляет свои образы. Образы индивидуальны. И моё произведение в вашей голове превращается в нечто новое, эксклюзивное”.

После этих слов битком набитый зал Центрального Драматического Театра утонул в аплодисментах. Хлопали двое молодых ребят в предвкушении сюрприза. Один из них был глухим, вторая – немая. Они аккуратно присели в проходе на мягкие, застеленные бордовым ковром с золотистым узором по краям, ступеньки, потому что мест в двухтысячном зале хватило не всем. Поддавшись стадному инстинкту, хлопал даже мрачный на лицо, завидующий зритель.

“Боюсь вам быстро надоесть, – с тревогой в голосе продолжил Лес Полонский в микрофон, – поэтому перехожу от слов к делу”.

Зал снова заплодировал.

“Но перед тем как начать, я вижу, что не всем хватило места”.

Все начали переглядываться и устремили взгляд на парочку в проходе.

“Ребята, пожалуйста, проходите сюда. Можете сесть рядом со мной,” – Лес жестом позвал их на сцену.

Ребята не сразу поняли, что любимец публики обращается к ним. Один из них вопросительно указал на себя. “Пожалуйста, проходите,” – кивнул Лес. На сцене появилось два стула. Ребята радостно-застенчиво под всеобщими неодобрительно-ждущими взглядами поспешили к сцене.

“Ну, что ж, – Лес в предвкушении потёр руки, – теперь, когда все на местах, приступим! В корзине под вашим стулом лежит шлем виртуальной реальности. Прошу вас надеть его. Не беспокойтесь за гигиену: все устройства обработаны антисептиком”.

Конец фразы заглушил характерный шум одновременного нащупывания девайса в пластмассовой корзине. Ребятам на сцене вынесли запасные шлема.

“Обалдеть! Вот это нам повезло!” – подумал более активный глухой. Его всегда вдохновляли успешные люди. Он старался по полной наслаждаться моментами пребывания рядом с ними и, по возможности, как можно дольше продлевать их.

Но в зале также был человек, не прикоснувшийся к корзине с модным оборудованием. Парень в чёрной водолазке максимально, насколько позволяло кресло, откинулся назад, воткнул в уши аудио и прикрыл глаза.

Лес продолжал: “Те, кто уже в очках для зрения, не волнуйтесь, они прекрасно помещаются в шлеме. Даже если у

вас толстые линзы. Шлем регулируются по голове. Сделайте, чтобы Вам было удобно. Ради безопасности прошу Вас во время просмотра не вставать с кресла.

Всё готово!

Мои дорогие читатели, с великим удовольствием сообщая Вам, – глаза его горели. – Впервые в мире мы начинаем презентацию книгу в виртуальной реальности!”

Зал, напоминавший со стороны армию звёздных воинов, громко и продолжительно захлопал в ладоши. Для адаптации к виртуальной реальности одновременно во всех шлемах экран показывал графическое изображение реальности, которую зрители видели до того, как надеть шлем: просторный, светлый зал, сцену, украшенную бархатом и цветами, Леса на сцене, собственные руки, людей в чёрных шлемах вокруг. Ребятам, сидевшим на сцене, менее повезло в этом плане, потому что картинка не была рассчитана для такого ракурса. И всё равно они сидели как замороженные. Судя по всему, это был их первый опыт в виртуальном пространстве.

Зрители увидели, как Лес постепенно увеличивался, пока не достиг размеров, при которых отчётливо было видно его лицо. В шлемах на первых рядах он практически не изменился, для последних рядов – вырос почти до потолка.

У каждого в наушниках раздался его объёмный, мягкий голос в компьютерной обработке: “Дорогие мои читатели! В знак благодарности за внимание к моим книгам, я хочу лично познакомить Вас с персонажами моих произведений”.

Графически прорисованный занавес приоткрылся. Виртуальный Лес подал руку и вывел на сцену стройную Крону в меру длинном и пышном платье кремового цвета. Она была такой же, как в повести “Плохорошо”: с большими глазами и пухлыми губками, волосы цвета солнца красиво зачёсаны назад.

“Позвольте Вам представить, – изображение Леса продолжило речь, – милая и обаятельная. Крона”.

Каждый зритель увидел в очках, как Крона сделала книксен и улыбнулась лично ему.

“Крона, позвольте Вам представить – мой дорогой зритель,” – писатель аккуратно прихватил её за талию.

Вовлечение было настолько глубоким, что многие, в том числе и впечатлительный глухой парень на сцене, замахали Кроне рукой, а рот непроизвольно произносил приветствие. Из-за этого в зале образовался гул. Если бы не наушники, встроенные в шлем, перфоманс, безусловно, был бы испорчен. Многие, в том числе и впечатлительный глухой парень на сцене, приоткрыли рты, когда Крона порхнула со сцены в проход. Манерно прихватив платье за подол (хотя оно при всём желании не достало бы до пола), она поднималась по ступенькам засвидетельствовать своё почтение лично каждому. Этому глухому везунчику она понравилась ещё в книжке, и он поймал себя на мысли, что представлял её именно такой. Героиня, ожившая со страниц повести, пробиралась к нему через чужие коленки лицом к сидящим, как

и положено по этикету. Если бы у глухого вырос хвост, он бы им радостно замахал. Крона присела на спинку кресла ряда ниже.

Она положила руку на кисть другой руки и сказала с достоинством: “Только не подумайте, я не просто героиня или муза автора. Разрешите показать немного больше”.

Она лёгким движением пересела на подлокотник его кресла. Несмотря на глухоту, он прочитал смысл слов по её выразительным губам. Ладони Кроны легли ему на глаза. Глухому показалось, что он даже почувствовал прикосновение. Экран на секунду потемнел. Крона убрала руки, и парень увидел себя, сидящего в паратране, надёжно закреплённого со всех сторон ремнями безопасности.

“Позвольте пояснить, – говорила за кадром Крона, – здесь живут все герои произведений Леса. Это наш мир”.

Деревья затрепыхались на ветру, и парень полетел по городу, лихо огибая здания. Параллельным курсом летела Крона.

“Разрешите, я буду Вас сопровождать,” – сказала она.

Он не слышал слов, но был совсем не против такого гида. Все текстуры были столь реалистичными, что адреналин зашкаливал. Как и на хорошем аттракционе, он был приятно шокирован.

Крона сказала: “Вдали Вы видите белый дом с колоннами и резными окнами. В нём живу я, но говорить о себе сложно и к тому же крайне бестактно, поэтому мы летим мимо”.

Они свернули в сторону и спикировали в открытое окно пятиэтажки, в квартиру Леса. Параплан телескопически сложил крылья. Можно было разглядеть висящие на стенах картины. Робот Матрёна приветственно махала механической рукой. Дверь ванной отворилась. Внутри на полу разрасталась лужа крови. Параплан разложил крылья и перенёс их в уютное гнёздышко Рады с расстеленной двухместной кроватью и задернутыми шторами. Ещё через мгновение они оказались в офисе Зверы Анатольевны, в котором, согнувшись над компьютером, работали напряжённые лица, а на одном из столов лежала разбитая бутылка шампанского. Потом параплан принёс их к дому Бомжо – коллектору теплосети. Они проникли внутрь сквозь узкий люк. По стенам струилась ржавая вода, по трубам, на которых была расстелена лежанка, пробежала крыса. Они посетили стройку, больницу, крышу. Да где они только не были!

Антракт

Зрители в зале вертели головами в шлемах, выкручивая шею в желании увидеть как можно больше. Некоторые водили руками по воздуху. У глухого парня даже потекла слюна и чуть ли не капнула на свитер, но Лес вовремя и заботливо успел смокнуть её носовым платком, по-дружески похлопывая парня по плечу и подпрыгивая на одной ноге. Происходящее вокруг доставляло ему огромное удовольствие. Всё было заранее продумано до мелочей, оборудование – протестировано, речь – отрепетирована. На ближайшие полчаса зал можно было оставить под присмотром ассистентов. Лес, расслабившись, опустился на стул, достал смартфон. Его помощница Рада Лаврентьева прислала статистику с подписью: “Как обычно, успех ;)”. Презентация новой книги ещё не завершилась, а уже поступило более 10.000 заявок на предзаказ. Несколько крупных и одно особо крупное издательство предлагали переиздать ранние произведения в сумасшедшем тираже. Критики писали восторженные рецензии. В такие моменты хочется обнять и расцеловать весь мир, хочется прыгать и кричать. Но лицо Леса не выразило никаких эмоций, а если присмотреться, то можно было заметить, как брови слегка нахмурились. Он встал со стула и вышел за кулисы.

В узком, слабо освещенном коридоре закулисья курил

осветитель Жора. Прямо над его головой висела табличка с изображением перечёркнутой дымящейся сигаретой в красном круге. Услышав шаги, Жора затушил сигу и устремился в сторону зала, но налетел на Леса. Писатель и не думал его отчитывать, поскольку сам не любил запреты.

Он лишь спросил: “Жор, ты не видел Раду? Не могу до неё дозвониться”.

Жора, стараясь не смотреть в лицо, отрицательно покачал головой и был таков. Лес бросил взгляд на место правонарушения. На старой тумбочке лежала его первая повесть, напечатанная в формате мини-книги размером с блокнот. Вся в пепле, засмолённая, местами прожжённая, она была подставлена под пепельницу вместо отколотой стеклянной ножки. Лес окликнул Жору, но тот уже давно исчез в полумраке коридора. Глядя на пожелтевшие страницы, он вспомнил, как писал их вечерами, уставший после скучной работы. Он вспомнил, как по середине комнаты танцевал свою версию harlem shake, когда по электронной почте получил от издательства письмо счастья с предложением опубликоваться. Где теперь эти эмоции? Теперь даже не намёка на удовлетворённость. Лес поджёг окуроч, сделал несколько тяг, закашлялся, вспомнил, что не курит уже много лет. Теперь он чувствует ничего. Пустота ведёт в неопределённость, неопределённость – в беспокойство. Лес хотел было избавить свою первую мини-книгу от незаслуженного обращения, но потом передумал. Пусть служит людям. Хотя бы в роли ножки под

пепельницей. Ему нужно было срочно найти Раду.

В гримёрке, непринуждённо расположившись на подоконнике, две девушки смотрели в окно и разговаривали.

“Он, конечно, берёт своей харизмой и чутким отношением к читателям, но сюжет-то скучный!” – сказала мастер по мейкапу. Её собеседница увидела стоящего в дверях Леса.

“У Вас галстук сбился, давайте поправим!” – она спрыгнула с подоконника и направилась к нему.

Но ответной реакции не случилось. Взгляд Леса шёл сквозь неё, на её подругу. Та смущённо отвернулась к окну, не смея пошевелиться. Когда выпрямление и без того хорошо сидевшего галстука закончилось, Лес поблагодарил не глядя и приблизился к мастеру по мейкапу.

– Скажите, в каких местах сюжет был скучный?

– Скучный? Боюсь, Вы не расслышали. Я сказала “сочный сюжет”.

– Знаете, так неловко выходит. Я случайно подслушал ваш разговор, да к тому же ещё и неправильно! Я очень рад, что Вам понравилось, но, может быть, есть что-то, что можно было написать по-другому, с вашей точки зрения?

– Может быть, сюжет... Да, нет, правда, у Вас классное произведение. Очень жизненное. Особенно мне нравятся моменты, когда главного героя от переживаний бросает то в жар, то в холод. Со мной тоже такое бывает.

Похвала остудила Леса пыл, а тут ещё в гримёрку зашла Рада. Она сказала:

– Что случилось? Ты какой-то взбаламученный. Опять продавщица в буфете нагрубила?

– Радочка, я тебя везде ищу, микрофон фонит.

– Это не страшно. С тобой всё в порядке? Please, don't keep me friendly.

Рада любила придумывать фразеологизмы на английском, подчёркивающие эстетику момента. И этот, по её мнению, был самым удачным. Она часто его использовала. Лес переводил его как “Пожалуйста, не будь со мной дружелюбным”, что, должно быть, означало “Скажи честно, как есть”.

Он молча смотрел в её тёмные глаза. Пауза затянулась и Рада не выдержала:

– На тебе лица нет.

– Слушай, возможно, мне пора заняться другим делом.

– Почему? Ты отлично держишься на сцене. Выглядишь очень довольным. Я наблюдала со стороны.

– Да, устраивать презентации всегда весело и задорно. Но это всего лишь миг, это шоу. Это не серьёзно.

Лес перешёл на шёпот, хотя кроме них в гримёрке никого не осталось:

– Я не знаю о чём писать дальше. Я не знаю, как писать.

– Пиши, как раньше. У тебя прекрасно получалось. Людям нравится.

– Не могу как раньше. Им не нравится, – Лес указывал рукой на выход из гримёрки, – а они всё равно читают. Потому что все читают.

– Нашёл о чём беспокоиться.

Внутри у Леса похолодело. Он снял со спинки кресла пиджак и накинул на плечи, не всовывая руки в рукава.

– Я нашёл формулу популярности, но произведения получаются плоские. И никто не хочет сказать мне почему. Посмотри, в них нет глубины. Есть драматизм, злободневность, неожиданные повороты. Но нет глубины. Это когда отрываешься от чтения и думаешь про себя: “Конечно же! Я всегда это знал, но не мог сформулировать. И вот наконец-то!” И ещё первое время в ушах вибрирует, а вокруг всё трясётся.

– Пойду заменю микрофон.

– А ты? Что ты думаешь о моих книгах?

Но Рада уже скрылась в сумрачном коридоре, не услышав вопроса. Или, сделав вид, что не услышала. Дело в том, что у Рады была лёгкая формы гипотонии – хронически пониженное артериальное давление. Людям с таким диагнозом сложно долго концентрироваться на чём-то одном, поддерживать разговор – они быстрее устают. Для восстановления сил им требуется больше сна. Рада выработала свой способ борьбы с утомлением: частая смена занятий. Она черпала энергию из интереса к новому, из многозадачности. Но даже если не брать в расчёт особенности организма, что, в сущности, она могла ответить писателю?.

Они дружили с Лесом больше 15 лет. Многие женские (а иногда и мужские!) персонажи, их характеры, манеры, поведение, фразы были списаны с её натуры. В книгах Леса она

находила свою одежду, обувь, ямочки на щеках, свои привычки. И это только то, что она видела в себе. А ещё было много того, чего она не замечала. Однажды Рада умилилась над эпизодом в рассказе Леса. Действие происходило в ванне, совмещённой с туалетом. То есть ванна и туалет находились в одной комнате для экономии квадратных метров. По сюжету жена после суточного дежурства любила поспать-потмокать в тёплой воде с солью и с пеной. Сначала, чтобы не беспокоить, муж ходил к соседям. Сосед отнёсся с пониманием и сочувствием, потому что был ровно в такой же ситуации. Они по очереди бегали друг к другу в туалет. До тех пор, пока не поссорились из-за какого-то пустяка. Да и в глазах домочадцев это выглядело очень странно. Все умеют терпеть, а они – нет. Мужу оставалось одно – осторожно будить жену. Постучал. Через пять минут ещё раз постучал. Ещё через пять минут постучал несколько раз. Потом стучал несколько раз и подольше: "Крошка, доброе утро!". Ещё через пять: "Мне в туалет нужно". "Крошка, я серьёзно". "Крошка, я не могу больше ждать!"

“Да, – думала Рада, читая эти строки, – сон в ванне священ, никто не имеет права его нарушать”. Именно так делала Рада, когда они с Лесом задерживались допоздна в творческой мастерской, оборудованной в его квартире. Она, конечно, подозревала, что это про неё, но всячески отгоняла эту мысль. И уж тем более, ей совсем не хотелось говорить о своих слабостях. Вопрос “Что ты думаешь о моих книгах”

покушался на её личное.

И всё же миниатюрное лицо Рады спустя короткое время появилось в дверном проёме. Лес стоял на том же месте. Её губки сложились в бантик и произнесли загадочное: “Ты уже сам ответил на все свои вопросы”.

И она снова скрылась в коридоре. Постояв немного в задумчивости, Лес откупорил термос с горячим кофе и уронил в себя две чашки подряд.

Через несколько минут кофе дало о себе знать. Лес ушёл в уборную. Сидя в кабинке, он свайпил комментарии критиков. “Лес Поклонский снова всех удивил”. “Душевный, многослойный роман. Держит в напряжении всю дорогу”. “Реалистичнее, чем в жизни”. “Эта книга уже стала частью Истории”. Даже критики не критикуют. И они туда же.

Вдруг глаз Леса зацепил надежду в одном из комментариев: “Все так восхищены, а здесь не радоваться нужно”. Но в следующий строчке: “Здесь нужно молча аплодировать”. Всё это напоминало всемирный заговор с целью превратить его в безумца.

В WC зашла уборщица, бормоча под нос что-то невнятное. Но Лес отчётливо услышал свою фамилию, слово “сволочарня”, “целый зал”, “расстрелять бы”.

Он поспешно закончил дела, выскочил из кабинки и выпалил: “Прошу прощения, почему меня нужно расстрелять?”

Бабушка с шваброй в резиновых перчатках по локоть ничуть не испугалась, как будто на неё регулярно высказывают

с вопросами в мужском туалете.

“А как еще? Зазвал полный двор свиней! После вас собирай потом стаканчики, семечки, жвачки в ковре. Засобираешься!” – она с силой шмякнула швабру в ведро, обрызгав Лесу штаны. Он даже не заметил, как в уборную зашёл парень в чёрной водолазке.

“Не мучайте Вы человека, дайте спокойно поработать,” – сказал он, споласкивая руки под краном и смотря на Леса через отражение в зеркале. Лес стал отряхивать брюки, что совершенно не помогало им высохнуть. В недоумении он соображал, откуда взялся этот парень. Практически всех работников Театра Драмы Лес знал лично, да он и не был похож на работника. Все поклонники были погружены в виртуальную реальность, да и вряд ли бы фанат начал хамить.

“Это вы мне? – возмутилась уборщица и ещё раз обрызгала Леса. – Он сам ко мне присосался со своими вопросами. Покиньте помещение – идёт уборка!” К тому времени как она закончила фразу, чёрной водолазки уже не было в туалете. Лес вышел в холл и заметил, что парень возвращается в зал.

“Пожалуй, и мне пора,” – посмотрел он на часы.

За кулисами его ждала Рада.

Она улыбалась: “Микрофон поменяла. А ты по-прежнему сам не свой”.

Она поправила Лесу взъерошенные волосы и заметила сырые штаны: “Так нельзя выходить на сцену. Пойдём скорее

в гримёрку, у нас ещё есть 5 минут”.

В гримёрке Лес расположился в кресле, а Рада включила фен на максимум и направила горячую струю воздуха на брюки.

”На следующей неделе нас пригласили на ужин с послем Индии. – Фен громко шумел, поэтому Раде приходилось кричать. – Оказывается, он давний поклонник Вашего творчества, мистер Поклонский”.

Искусственная напыщенность была ей к лицу. Экстренность ситуации её несколько не смущала, а наоборот даже заводила. Лес почтительно кивнул головой.

Рада продолжила: “Один режиссёр обещал заглянуть в гости. Фамилия вылетела из головы. Он приехал родственников навестить. Заодно с тобой переговорить. Думаю, будет предлагать адаптировать одну из книг под сценарий фильма”.

Лес удовлетворительно моргнул.

“Может быть, – кричала Рада, – кинематограф откроет глубину Ваших произведений, сэр”.

Она наконец выключила фен и наступила приятная тишина. Лес обнял её со словами “Ты – золото” и ушёл на сцену. А там перформанс закончился уже как несколько минут. Лес с ужасом наблюдал наполовину опустевший зал. Огромные проплешины незанятых кресел. Как он мог опоздать? С ним никогда такого не бывало. Ведь впереди была самая ответственная, маркетинговая часть программы: ответы на во-

просы, фотосессия, автограф сессия. С другой стороны, всё, что не делается – к лучшему. Теперь он точно получит долгожданную порцию критики.

"Спасибо огромное! – Похлопал его по спине глухой, протягивая шлем виртуальной реальности. – Ничего подобного в жизни не испытывал. Это как первый секс, а возможно и лучше. Не помню, давно было".

Глухой говорил чрезмерно громко. Так часто делают люди, когда говорят в наушниках, не слыша себя.

Лес скорчил улыбку, принял шлем из рук парня: "Пожалуйста. Приятно слышать".

Глухой повернулся к немой девушке, и та в буквальном смысле на пальцах пересказала ему ответ Леса. В тот же момент Лес понял, что перед ним человек с ограниченными возможностями и почувствовал беспокойство. В первую очередь потому, что он не знал, как нужно вести себя с ними. Он не знал, нужно проявлять сочувствие или делать обычный вид. Как правильно?

Глухой также громко, с восхищением обратился к собеседникам: "Я не слышал о чём говорила прелестная Крона, но даже без этого ничего подобного я в жизни не испытывал. Это точно. Это даже лучше "глухого" секса. – Он повернулся к Лесу, чем сильно его смутил. – Так я называю секс после травмы ушей. Слуха не стало, зато чувствительность других органов увеличилась в несколько раз. Вы не представляете себе этот кайф! И даже он не сравним с тем, что я только

что испытал!”

Лес сделал завидующее выражение лица, а немая ответила на языке жестов. Между ними завязалась очень своеобразная беседа, в которой один орал, а вторая махала руками. Удивление быстро сменилось раздражением, потому что Лес не знал ни одного символьного языка, а также предпочитал тихую речь.

“Немая говорит, что после вашего аттракциона очень хочется есть. – Продолжал глухой свой полу крик. – Она говорит, что, наверное, сбросила несколько килограмм”.

“А они прекрасно друг друга дополняют. Ещё вопрос, кто из нас здесь инвалид,” – подумал Лес. В этом узком кругу получалось так, что именно он был человеком с ограниченными возможностями общения.

“Немая говорит, что с удовольствием присоединился бы к той половине зала, которая ушла в буфет!”.

Лес порозовел. Конечно же! Все просто проголодались и ушли в буфет. Он присмотрелся к оставшимся в зале. В основном люди активно делились впечатлениями, как это бывает после чего-то очень впечатляющего. И тут взгляд Леса остановился на том парне из уборной. Он сидел с отстранённым лицом и резко сплёвывал семечки прямо на пол. Словно загипнотизированный, Лес не мог оторваться от его лица, пока их глаза не пересеклись. В его, таких же как щетина, чёрных глазах было много холода и боли.

Лес поспешил повернуться к глухому и спросил:

– Скажите, как я могу к Вам обращаться?

– Ко мне – Глухой, к ней – Немая.

– Но ведь это не настоящие ваши имена. Как-то мне не по себе. Не очень удобно вас так называть.

– Очень даже настоящие! – Вспыхнул Глухой. – А тебе по себе, что тебя назвали скоплением деревьев в непроходимой местности?.

Лес засмеялся и замялся от бестактности своего вопроса. К бестактности других людей он уже привык.

– Хорошо. Передайте, пожалуйста, Немой, что... – Лес повернулся к Немой, сообразив, что она слышит его слова. – Извините, совсем запутался... Желаю вам приятного аппетита. Поспешите, пока все френч-доги в буфете не разобрали.

После этих слов он направился в гримёрку, чтобы попросить Радугу дать первый звонок об окончании антракта.

“Немая говорит, что у нас еда с собой. Но всё равно спасибо. Если хотите, можем поделиться,” – за спиной у Леса откупорился пластиковый контейнер и термос. Он немного пожалел, что вытащил их на сцену. Не успел Лес скрыться за занавесом, как прозвучал первый звонок.

Вопрос-ответ сессия

На сцену вынесли стол, накрытый скатертью с фотопринтом обложки новой книги Леса. На столе расположились как попало экземпляры книги, работающий микрофон и локти Леса. После антракта зрители не думали расходиться. Зал вновь наполнился. По просьбе журналистов и фотографов ребят с бутербродами и горячим чаем вытеснили на край сцены. После недолгой высокопарной вступительной речи, директор концертной площадки объявил начало вопрос-ответ сессии. Рада с помощниками распределились по рядам. Помощники по очереди подбегали к поднимающимся вверх рукам и протягивали им микрофон.

Вот со своего места поднялась симпатичная девушка в очках. Она неуверенно держала рукоятку микрофона. По всему было видно, что волнуется.

Наконец она спросила мелодичным голосом:

– В современном искусстве насилие – это тренд. Поток крови льется из книг, из музыкальных произведений, из фильмов. – Её голос дрожал, что придавало речи особый шарм. – В Ваших книгах всегда много остросюжетных моментов, но они никогда не заканчиваются убийством. С чем это связано? Вы – гуманист?

– По отношению к персонажам книги – да. Понимаете, я стараюсь как можно детальнее проработать их характеры.

Это сильно сближает меня с ними. Я не смог бы пожелать смерти даже второстепенному герою. В них всегда есть частичка меня самого. Но с другой стороны, в моих книгах много морального насилия. И часто оно страшнее физического. С этой позиции я бы не назвал себя гуманистом.

Количество желающих не позволяло спрашивать больше одного вопроса, однако девушка не удержалась, за что поймала на себе кучу неодобрительных взглядов.

Она была твёрдо уверена, что вопрос того стоил: “Вы сказали, по отношению к персонажам. А по отношению к другим людям?”

Поняв свою оплошность, ассистент попросил вернуть микрофон сразу после вопроса.

Лес ответил как можно короче, широко улыбнувшись в начале и в конце фразы: “Мне сложно судить, ведь я не вижу себя со стороны.”

С места поднялась почтительная дама в шикарном платье с золотым колье.

Все замерли в ожидании серьёзного вопроса, а она сказала: “Я хотела бы поблагодарить Вас за творчество. Спасибо от всей нашей большой семьи. Мы – Ваши верные, как сейчас принято говорить, фанаты. Расскажите про значок на пиджаке”.

Лес опустил глаза на значок у себя на груди. Потом аккуратно снял его с лацкана пиджака и на вытянутой руке показал нацеленным на него камерам.

Он теребил его в пальцах, вспоминая вслух: “Это значок Лиги Чемпионов. Будучи студентом, я подрабатывал на футбольных матчах продавцом еды и напитков. Наш ларёк стоял прямо рядом со стадионом. В перерыве между таймами мы кормили и поили болельщиков. Я знал все кричалки, вместе с фанатами распевал футбольные песни. Вокруг всегда царила атмосфера праздника. Когда команда играла особенно хорошо, то получала право на выступление в Лиге чемпионов. И это была отдельная история. Пространство вокруг стадиона наполняла европейская речь, разноцветные флаги, разрисованные лица. Настоящее торжество. Гимн Лиги чемпионов я и по сей день слушаю с замиранием сердца. Когда он играет, сразу понятно, что сейчас будет зрелище на высшем уровне. Однажды за несколько часов до матча Лиги чемпионов меня попросили помочь разнести подарочные бумажные пакеты на VIP-места. В благодарность за помощь мне подарили один такой пакет. Внутри лежала программка матча, что-то ещё и этот значок. Он мне дорог, как память о впечатлениях. Пиджаки меняются, а значок остаётся”.

Потом последовало ещё несколько ожидаемых и поэтому простых вопросов, пока микрофон не попал в руки парня с чёрной щетиной и в черной водолазке. Он наслушался дебоширских аудио-стихов Есенина, и теперь его было не оставить:

– Почему Вы раньше не сообщили, что книга будет пропагандировать образ зазнавшегося, самовлюблённого писа-

теля-одиначку, занудного и неинтересного?

– Очевидно, меня никто не просил об этом.

Зал засмеялся.

– Глупый ответ.

Зал ахнул. Лес в ступоре, не понимая, что происходит, поправил борт пиджака. Он внимательно отнёсся к нарастающему внутри гневу и сумел подавить его. В нём сошлись три стихии: страх быть опозоренным на многотысячную аудиторию, чувство собственного достоинства и понимание, что этот наглый тип – именно тот, кто ему сейчас больше всего нужен. Продукт этой термоядерной реакции получился простым и красивым, Лес парировал:

– Какой вопрос, такой и ответ.

Помощник, который вручил микрофон воинственному гостю, никак не мог решиться, но наконец пролепетал: “В соответствии с регламентом можно задавать только один вопрос. Верните микрофон, пожалуйста”.

Без результата. Просьбу просто проигнорировали, даже не посмотрев в раскрасневшееся лицо помощника.

– Тогда ещё один вопрос, не возражаете?

– Нет, не возражаю.

В зале стояла тишина, кое-где слышались перешёптывания. Постояв ещё немного в растерянности, помощник побежал к Раде. Он нашёл её в дверях на входе в зал. Обычно отзывчивая Рада, сейчас никак не отреагировала на его слова. Она смотрела шокированным взглядом в сторону проис-

ходящего, не смея пошевелиться. Казалось, что, если убрать дверь, на которую опиралось её плечо, тело рухнет на пол.

“Рада Евгеньевна, нужно звать охранников, это беспредел,” – с третьего раза, когда помощник дотронулся до её руки, Рада услышала призыв. Тем временем шоу продолжалось.

– Зачем эти длинные, сложные предложения? Кому нужны эти паровозы? Их невозможно читать. Их невозможно понять с первого раза.

Лесу стало не по себе. Морально он был готов к подобному повороту, но оказалось, что не был.

“Этот парень явно перегибает,” – думал он.

Ему очень хотелось ответить в той же манере, но он не мог. Не мог себе позволить. Из-за стресса Лесу очень захотелось есть. Ситуация вышла из-под контроля. Он встал из-за стола, подошёл к Немой и взял из контейнера бутерброд с колбасой. Затворы фотокамер щёлкали не переставая. Дай продолжал говорить, ни на что не обращая внимание:

– Один раз я наткнулся на предложение размером с абзац! Вы серьёзно? Думаете, кто-нибудь хочет разбираться в них? Да все их пролистывают с умным видом.

Лесу было всё равно как он выглядел со стороны. Он не собирался оправдываться. Он жевал свой бутер с колбасой.

– А сама идея книги. Она же слизана целиком с Джека Лондона! Банальный копипаст с “Мартена Идена”! Обратите внимание, он поменял только имена и места.

Двое охранников, пробиравшиеся через ряды, заставили провокатора прерваться. Он ринулся в сторону другого выхода. Охранники продолжали преследование, спотыкаясь об колени гостей. Беспроводной микрофон позволял вещать прямо на ходу:

– И самое главное. Лес Поклонский, Вы обманываете читателей. Вы совсем не знаете героиню романа, потому что у Вас у самого никогда не было серьёзных отношений.

Он кинул микрофон в руки ближайшего стюарда и скрылся за входной дверью.

Иллюстрация “Что это было?”

В последствии Лес называл эти минуты не иначе как “ад”. Он весь горел. Его только что сварили в кипящем котле, предварительно хорошенько выстегав. Он совсем, совсем не привык к такому отношению. И нужно отдать ему должное, доедая бутер, он совсем не подал виду. Лес знал, как правильно ответить на все предъявленные претензии. Длинные предложения – дело вкуса. Обвинение в нарушении копирайта выглядело смешно, иначе книгу бы не выпустили в печать. Возможно, Лес вдохновлялся Джеком Лондоном, но никак не “слизывал”. Все новые идеи, мысли, действия – это сборка старого в другой последовательности. Ну, а по поводу героини романа – он не видел здесь обмана. Хотя он и вправду никогда не жил с женщиной, однако, романы у него случались. Кроме этого, он много наблюдал за парочками.

Лес знал, как ответить, но не проронил ни слова. Ему не хотелось оправдываться, потому что он не считал себя виновным. Немая поднесла ему горячий чай в крышке из-под термоса. Лес с благодарностью принял.

Но это был ещё не конец. Неожиданно в зале погас свет. Пока охрана копалась в электрощитке, парень в чёрной водолазке спокойно покинул здание Театра Драмы. Зрители в зале подняли гул недовольства. Глухой достал из кармана фонарик на смартфоне и подсветил себе лицо, скорчив страш-

ную гримасу. Он и так не слыл красавцем, а в нижнем свете выглядел совсем зловеще. Симпатичная девушка в очках взвизгнула от страха. Вскоре тот же фокус повторила Немая.

“О, Боже!” – вырвалось у почтенной дамы с золотым колье.

Вскоре весь зал достал телефоны. Люди выкладывали фото в соцсети, забавляясь неповторимостью момента.

Охранники наконец щёлкнули нужные переключатели в электрощитке. Свет вернулся в зал. Леса за столом не оказалось.

Дай и Рада

Дай сидел за стойкой казуального бара и опрокидывал в себя пятый шот Боярского. Этот коктейль он попробовал сегодня впервые, и нашёл сочетание водки, гранатового сиропа и острого соуса табаско очень грамотным. Наконец-то он почувствовал себя человеком. То, что происходило с ним дома пару часов назад вряд ли можно назвать человеческим поведением. Он смотрел в монитор на базу клиентов и яростно крыл матом тех, кто не отвечал на его звонки. Он стучал кулаками по письменному столу, пока не разбил любимую кружку с усами Сальвадора Дали, купленную в Испании. Ни толстые журналы, ни издательства не соглашались печатать его повесть. Он встал и с силой ударил дверной косяк так, что наличник отлетел в сторону. Он бы и дальше продолжил крушить квартиру, если бы рука не застонала от боли. Но прошлое осталось в прошлом.

В колонках мощно громыхал Red Hot Chili Peppers, что заставляло гостей бара кричать друг другу максимально короткие фразы. Поэтому со стороны создавалось впечатление, что все говорят о чём-то суперважном и значительном. Бармен встряхивал мятный сироп в пластиковый стакан с пивом.

“В Японии это называют коктейлем!” – улыбался он, протягивая напиток Раде.

Рада сделала глоток, и одобрительно улыбнулась в ответ. Расхмелевший рядом Дай думал о том, что сейчас накурился бы.

“Я не понимаю! Алкоголь такой же наркотик, как и трава. Если не хуже. Так почему же водку продают на каждом углу, а за план – под суд? Ну, не под суд, конечно. Скорее всего, откупишься. Но дорого выходит, дорого. Я чувствую несправедливость!” – неожиданно для себя кричал он на ухо незнакомке. Рада, на запах непереносившая траву, тем не менее была польщена вниманием этого красавчика.

“Вы знаете, с алкоголем тоже борются. Его нельзя рекламировать по ТВ. Вы видели, что придумали пивняки? – Отвечала Рада, раскачивая в руке стакан с зелёной жидкостью. – Теперь каждая пивоварня выпускает безалкогольное пиво, чтобы продвигать свой бренд по телику. А когда заходишь в магазин – безалкогольного пива две бутылки и запрятаны они в углу. Всё остальное с градусом!”

Дай первый раз в жизни слышал такую рассудительность и наблюдательность от женщины в баре. Сегодня день открытий.

Рада продолжала удивлять вопросами:

– Посмотрите на бармена. Сможете отличить, в каком бокале он несёт горячий напиток, а в каком холодный? Не трогая.

– Могу отличить холодную девушку от горячей. Трогая.

Рада рассмеялась белоснежными зубами:

– На самом деле, всё просто. Горячее бармен осторожно несёт за самый край, а холодное обхватывает свободно.

От неё исходила необыкновенная сила, которой хотелось добровольно подчиняться. Сила разума проявлялась в том, как она себя держит. Рада единственная во всём баре говорила спокойно, не напрягая голос и слух, потому что выбрала такое место, в которое звуковые волны от колонок после многократного отражения от стен долетали с наименьшей интенсивностью. Хотя внешне Рада была не в его вкусе, сердце Дая заколотилось сильнее:

– Какая Ваша любимая песня? – спросил он.

– Сложный вопрос, их много.

– Хорошо, упростим. Что Вы слушали последний раз на репите?

– То, что прослушала на репите, уже не любимое.

– Ффффуууфф, ладно...

– “Просто такая сильная любовь”, группа “Звери”. Ещё со школы.

– Отлично! Мы идём её петь!

Дай взял Раду за руку, и потащил её в другой конец барной стойки. Там он заплатил за два микрофона. Один из них протянул Раде.

– Но я не умею, – сказала она.

– Это неважно. Просто получай удовольствие.

Дай повернулся к бармену, и голосом Д’Артаньяна прокричал: “Позвольте, сударь! Хотелось бы присогубить два

Боярского. Мы с дамой сейчас будем пить и петь, тысяча чертей!”

Дальше воспоминания Дая носили отрывочный характер и накладывались друг на друга, как в клипе.

Вот он на припеве обхватывает Раду за талию.

Вот они рубятся в кикер два на два с влюблённой парочкой из Германии, разбрызгивая пиво во все стороны.

Вот они натыкаются в подворотне на группу студентов, раскуривающих косяк по кругу. Учув запах, Дай, облокотившись сзади на плечо курящего, ловко перехватил дымящуюся сигарету, и со словами “Благодарю Вас, сударь. Сколько я Вам должен?” глубоко затянулся несколько раз.

Вот они идут, передавая друг другу бутылку шампанского, по двойной сплошной шестиполосного проспекта, распевая припев: “Про-сто така-а-ая си-и-и-ильная любовь. Ты е-щё не знаешь! Тэ-рэ-ты-ты!”

Вот они целуются в такси на заднем.

Вот они сбрасывают махровые халаты в тесной душевой. Вода кажется то обжигающей, то леденящей. Вскоре они и вовсе перестают чувствовать внешний мир, только друг друга.

14:00.

Рада сладко потянулась. Ночью она была нежной киской и теперь с блаженством вспоминала лучшие моменты.

На журнальном столике стоял наполовину пустой графин воды с лимонным соком.

С похмелья у Дая ужасно раскалывалась голова – самое время для жалобных откровений. Он вываливает Раде всё, что накопилось:

– Я не знаю, что происходит с моей жизнью. Стараюсь, стараюсь, а результат не приходит.

Рада наполовину укутала его своим телом и неторопливо шептала на ухо:

– Может быть, результат приходит. Просто не такой, как хотелось бы. Please, don't keep me friendly, чем ты занимаешься?

Дай говорил суетливо, не желая, чтобы его перебивали:

– В душе я – писатель, а в жизни – менеджер. Платят мне мало, потому что работаю пол дня. Оставшиеся пол дня я пишу. Или отдыхаю. Чаще пишу, конечно. Но толку-то?. Уже три книги написал, читают только друзья и тридцать человек из нескольких тематических групп. Пробовал конкурсы – бесполезно. Блогеры отказываются рекламировать. Даже рецензии не оставляют. Да я так и так не буду слушать советы. Пишу, как умею, и мне плевать, кто там что думает.

– Бедненький. Попробуй сосредоточиться на одном. Сейчас ты и здесь наполовину, и там – не до конца.

– Сладкая, а жить-то мне на что? Я и так живу с родителями, в долгах у банка. Это всё неправильно. Но не писать не могу. Это моя отдушина. К тому же, я рассчитываю, что в итоге мои книги будут продаваться!

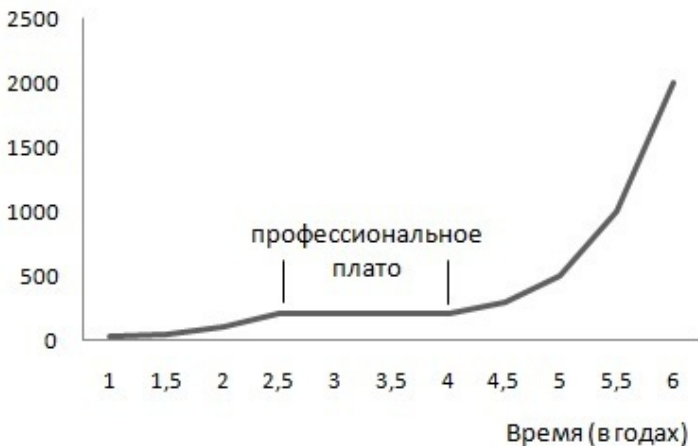
– Я уже давно дружу с писателем Лесом Поклонским. За-

нимаюсь организацией мероприятий, пиаром, SMM, рисую картинки для его книг. Он тоже не сразу стал известным. Я помню, как в институте он ходил до дома пешком, чтобы экономить на проезде. Лес любил устраивать встречи со своими читателями. Он проводил на них игры. В этом и был секрет успеха. Сейчас расскажу.

Рада легла по удобнее на Дая. Дай слушал без удовольствия, но внимательно, не обращая внимание на затёкшее тело.

– Первую встречу помню как сейчас. Пришло человек десять. Лес отложил микрофон в сторону, встал из-за стола и предложил сыграть в игру. Все сели полукругом вокруг проктора и по очереди включали свои любимые клипы. Они обсуждали каждое видео, иногда танцевали. Просто общались. Это было весело. Ну уж точно веселее, чем слушать автобиографию. Люди подходили и сами спрашивали, как можно купить книгу. Без всякой рекламы. Постепенно аудитория увеличивалась, но вскоре мы вышли на профессиональное плато. Пришлось придумывать что-то новенькое.

Количество зрителей (человек)

Карьерный график Леса

Дай не помог понять, какого чёрта она лежит в кровати с ним, а восхищается другим мужиком. Но перебивать он не смел, потому что тема была интересная.

– Лес сказал, что будет показывать несложные фокусы и объяснять их. Начинал он с карточных трюков. Он тренировался дни напролёт. Я не на шутку испугалась, когда он первый раз при мне проглотил целую игольницу иголок и нитку, запил водой, а потом достал изо рта нитку с надетыми на неё иголками.

Фокус заключался в том, что он заранее спрятал во рту картонную катушку, к которой была привязана нитка с иглами. А показанные мне иголки и нитки выплюнул в непрозрачный стакан вместо того, чтобы их запивать. Уже на сцене Лес говорил: “Чудес не бывает. Моя последняя книга как раз об этом. Волшебство объяснимо, мистика не случайна, хотя иногда очень хочется в это верить”. Так он развлекал аудиторию. Когда он стал известным, люди интересовались его жизнью. Встречи с читателями по сути превратились в пресс-конференции. Но даже сейчас он старается всех удивить. Лес, говорит, что просто отвечать на вопросы журналистов – скучно, так как все ответы есть в его рукописях.

Дай почувствовал приступы ревности, и ему захотелось уйти. Под предлогом срочных дел он начал одеваться. Рада сообразила в чём тут дело. Чтобы Дай не ревновал, она сказала следующее:

– Я выйду с тобой. Покормлю кошечек у подъезда, дельфиниум полью. Не смотря на популярность, у Леса есть проблемы с личной жизнью. Не бывает, чтобы всё было хорошо. Мы с ним не говорили об этом, но ещё с института я ни разу не видела его с девушкой.

На улице солнце приятно грело кожу. Рябина налилась красным и свисала гроздьями, создавая ощущение плодородности и достатка. Дай потянулся попрощаться и увидел в руках Рады бумажное издание в стильной чёрно-белой обложке.

– Что это? – спросил он.

– Это последняя книга Леса. Её ещё нет в продаже. Экземпляр для критиков. Прочитай и приходи на презентацию. Ты должен увидеть это сам.

– Я приду, – буркнул Дай.

Немая

К строительной площадке, где возводился многоэтажный жилой комплекс, подошёл молодой человек в белом поло с кожаной папкой для документов. Молодой человек работал поставщиком оборудования для застройщиков и приехал обсудить детали крупной сделки. Охранник на проходной поприветствовал гостя и не стал настаивать на обязательной по правилам безопасности каске. Он знал, что в ответ услышит: “Моя жизнь – моё дело”.

После долгих переговоров молодой человек спустился в рабочую зону, чтобы оценить технологию заливки фундамента. Он отметил, что здесь многое нуждалось в усовершенствовании. Хотя бы взять эту сваезабивочную установку. Он окинул экспертным взглядом громадный, не менее 20 метров в высоту, чпокиватель на колёсах. По одним только шумоизоляционным наушниками, висевшим на гвоздике в кабине, было понятно, что вся вибрация уходила в невыносимый грохот вместо того, чтобы использовать её для создания стоячей волны, которая усиливала бы проникновение сваи в грунт.

Прогуливаясь дальше вдоль строительного котлована, молодой человек, завороженный масштабами стройки, размышлял. На сколько ощутимо его оборудование облегчит жизнь обычным трудягам-операторам! Ведь сейчас разве что

немой мог стерпеть такой шум. Можно посчитать, на сколько увеличится эффективность производственного процесса! А он заработает на этом объекте около миллиона! Он не мог себе представить, что такая сумма может быть зачислена на его счёт. Сначала он возьмёт отпуск и поедет в кругосветное путешествие, потом купит себе...

На этой радостной мысли правая нога молодого человека поехала вниз вместе с булыжником, на который наступила. Камень и человек наперегонки полетели вдоль отвесного обрыва. У камня была фора, поэтому он первый шлёпнулся в мутную от глины и песка, светло-коричневую лужу подземных вод. Молодой человек, сделав в воздухе неполное сальто, припечатал камень сверху. Головой. Вода скрыла тело по шею. Голова осталась лежать на воздухе и окрасила камень кровью.

Тем временем у строителей закончился обед, и они дружно возвращались к работе. Немая забралась в кабину своей сваезабивной установки. Немая не была немой с рождения. Говорить она научилась вместе со всеми, без задержек. Как и большинство детей, к 4 годам уже уверенно разговаривала. Но её нельзя было назвать обычным ребёнком. Когда другие девочки клянчили в “Детском мире” кукол в бархатных платьях, Немая бежала к стенду с игрушечной строительной техникой. В возрасте 6 лет она заметила, что можно не задавать вопросов взрослым. Всю необходимую информацию об окружающем мире можно добыть через наблюдение,

запоминание и игру. В средней школе ей открылся безграничный мир интернета. К ней пришло осознание, что речь кишит необдуманными вопросами, необоснованными выводами, повторениями, словами-паразитами и прочим мусором, отнимающим время. В то время как письменная формулировка мыслей отцеживала саму суть. Радость общения со сверстниками перенеслась в чаты. Естественно, что такие самоограничения сказались на эмоциональном интеллекте. Внутренние переживания накапливались и под давлением стресса взрывались вулканом неадекватного поведения. Она могла без видимых на то причин встать и уйти с урока или распотрошить в крошки булку в столовой. Сверстники издевались над её странностями. Находится рядом с ней на переменах считалось позорным. Полный отказ от устной речи случился после буллинга от подруг. Немая поделилась с ними своей тайной любовью к мальчику.

– Теперь мы будем называть тебя Туткой, – смеялась одна из подружек на следующий день.

– Прости, Тутка! – подхватила вторая.

– Ведьма!

Это было последнее слово, произнесённое Немой. С тех пор в неё вселилась стойкая уверенность, что всё сказанное будет использовано против неё же. И она замолчала. Ни взросление, ни родители, ни профессиональные психологи не смогли ей помочь.

Немая настроила рабочий режим сваезабивной маши-

ны, надела звукоизолирующие наушники и начала долбить землю-матушку. В котловане стоял невыносимый грохот. Осматривая рабочий периметр с высоты кабины, Немая заметила на дне котлована отсутствующий ранее предмет, похожий на голову человека. Она прищурила глаза, но зрение не позволяло однозначно идентифицировать находку. Кроме того, кабина постоянно вибрировала, ещё более усложняя задачу. Оставалось только рассуждать. Если бы там лежал человек, то он был бы в хорошо различимой белой каске, либо каска валялась неподалёку. Потому что без каски находиться на стройке запрещено по закону. Ненадолго это умозаключение успокоило её. Потом она вспомнила, что неоднократно видела на стройке людей в деловых костюмах, но без каски. От волнения сильно зачесалась рука, но она не обращала на это внимание. Всё внимание сконцентрировалось на неопознанном объекте в огромной луже. По-хорошему, нужно заглушить забойник и спуститься вниз проверить. Вдруг там действительно человек. Но потом ведь опять подготавливать машину, а это – срыв сроков, а это – лишение премии. Окрикнуть проходящего мимо рабочего, чтобы тот проверил, понятное дело, она не могла. Немая вовсю размахивал руками, стучала по стеклу, но рабочий так её и не заметил. Покидать включённую установку запрещали правила. Немая опустилась на сиденье в бессилии. До завершения автоматического режима машины оставалось два часа. Долгие два часа. И тогда она сможет убедиться, что в луже нет ни-

какого человека.

“Возможно, это голова куклы. – Подумалось ей. – Наверно, дочка прораба опять приходила и случайно обронила игрушку, пока мы обедали”. Потом она вспомнила, что видела прораба на обеде. Без дочки.

Очень долгие два часа.

“Так это же Азатик опять вывалил мусорный бак! – обрадовалась Немая. – А там ведь может быть всё что угодно!”

“Все что угодно!” – повторяла она про себя.

На радостях она забыла, как пару дней назад на пальцах объясняла разнорабочему Азату, что котлован – это ему не мусорный полигон. Азат, не понимая жестовый язык, разводил руками, приводя Немую в бешенство. Сейчас она очень надеялась на то, что Азат так ничего и не понял. Лишь бы это был мусор. Лишь бы там лежал не человек.

Таймер показывал пять минут до окончания автоматического режима, когда Немая заметила, что голова зашевелилась. У неё перехватило дыхание. Из воды появилось грязно-коричневое поло. Больше нельзя ждать. Немая не задумываясь ударила по красной кнопке аварийной остановки. Молот завис над сваей. В воздухе повисла гробовая тишина.

“Хорошо хоть живой,” – вертелось у неё в голове. Скинув наушники с головы, Немая выскочила из кабины и, минуя невысокую лестницу, прыгнула на землю. Молодой человек сидел на дне котлована, обхватив голову руками. Немая нашла наименее отвесный склон и съехала по нему вниз. Мы-

ча, выкрикивая нечленораздельные звуки, она обняла молодого человека за плечи, но тот никак не отреагировал. Его тело пронизывала дрожь.

Наконец он приподнял голову с колен и завопил через слёзы: “Ничего не слышу!” Немая со всей силы хлопнула два раза в ладоши.

“Ничего не слышу!” – повторил молодой человек, не реагируя на хлопки.

Немая подставила плечо под его подмышку, чтобы помочь выбраться из ямы. Из уха молодого человека капала кровь.

Глухой

Кто-то из рабочих заметил копошение в строительном котловане и, тыча пальцем, крикнул: “Люди за бортом! Тащите лестницу!”

Потерпевших облепили зеваки. Строители тщетно пытались узнать у оглохшего молодого человека в промокшей до ниточки одежде, что случилось и как ему помочь. Его мучал ужасающий, сильнейший шум в ушах, похожий на гул бесконечной посадки самолёта. Его дополнял озноб после долгого пребывания в холодной воде. Лицо наполовину скрывалось под коркой запёкшейся крови. Как только его вытащили из ямы, он без сознания повис на плече Немой. Немая в подробностях описала произошедшее на бумаге, начиная с того момента, когда она заметила движение на дне котлована. Чувство вины не позволило раскрыть всю правду.

Оглохший очнулся в “Газели” скорой помощи. Он лежал на носилках, раздетый до трусов и завёрнутый в два шерстяных одеяла. Носилки то и дело подбрасывало на ямах. Шум в ушах стал немного тише. Немой рядом не было. Когда подъехала скорая, она потерялась в сутолоке людей и собственного раскаяния. Оглохшему её не хватало, потому что Немая была первой, кто пришёл ему на помощь.

К счастью, рядом сидела медсестра. Под рабочей курткой скрывался белоснежный халат. Она так спешила на выезд,

что не успела снять его. Увидев его открывшиеся, полные надежды глаза, медсестра положила руку ему на грудь. Оглохшему она показалась такой доброй и заботливой, что только она и сможет ему помочь. Потом он увидел, как безмолвно шевелится её маленький кругленький ротик.

Отныне он будет пристально всматриваться в рот каждого говорящего с надеждой услышать хотя бы пару звуков человеческой речи. Из глаз Оглохшего закапало, и он зарыдал. Медсестра гладила его по волосам, заботливо промакивая слёзы. Вскоре он снова провалился в сон.

Врачи скорой помощи приняли решение доставить пациента в травматологию. Никто из них не знал, что парень два часа находился под воздействием высокоинтенсивного промышленного шума от отбойника. Обследование показало сотрясение мозга и его определили на лёгкое лечение в стационар. Оглохший, оказавшись в мире тишины, совершенно потерял интерес к взаимодействию с людьми. Долгое время его молчаливость списывали на шоковое состояние после травмы. Пока как-то днём к нему в палату не зашла девушка в строительном комбинезоне. Оглохший в это время, как обычно безучастно к окружающим, лежал на боку, пролистывая новостную ленту на смартфоне. Немая кивком головы поздоровалась с другими пациентами и села к Оглохшему на край кровати. Впервые с момента падения в котлован губы Оглохшего сложились в улыбку. Немая достала ручку и начала писать на пустом медицинском листе, расчётливо

взятом со стола в приёмном отделении. Уже несколько дней подряд она не могла как следует заснуть – мысли её путались, рука непослушно выводила буквы. Закончив первое предложение, она передала листок Оглохшему.

Возраст

Диагноз

Ном. истории болезни

Режим

Стол

XOPOLLO

Немая сложила и убрала листок в карман. Вместо листка в её руке появилось приглашение на презентацию книги Леса Поклонского. Глухой взял контрамарку и безучастно положил на тумбочку. Немая, подчиняясь жизненно необходимой разговорной привычке, проследила взглядом за его рукой и случайно заметила на тумбочке таблетки от сотрясения мозга. Сомнений не осталось: врачи не знали о глухоте пациента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.